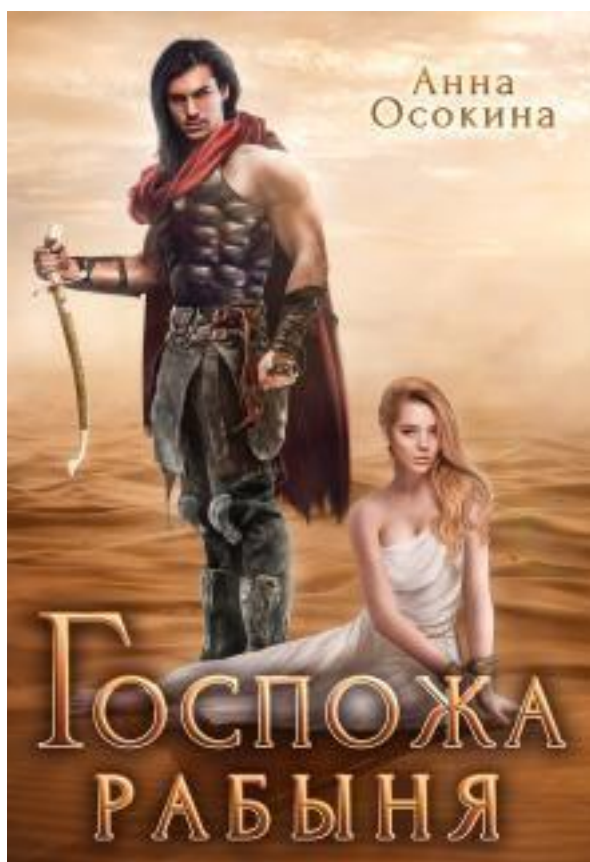

Анна
Осокина

Госпожа рабыня

Анна Осокина
Госпожа рабыня

«Литнет»

2022

Осокина А.

Госпожа рабыня / А. Осокина — «Литнет», 2022

Он был лишь охранником в доме Ясны. Грубым и несносным. Но от насмешливого взгляда синих глаз замирало сердце. Она отказалась от него, хотя он звал с собой, когда пришло время уходить. Единственный раз, ведь такие, как Варгроф, слова на ветер не бросают. Страшно добровольно отказаться от привычной жизни, любящей семьи и жениха. Но куда как ужаснее, когда враги отнимают свободу насильно. Судьба вновь свела их. Он все такой же вольный наемник, но она теперь не госпожа, а безвольная рабыня в чужой стране. ♥#♥#♥# Трепетная и эмоциональная история любви двух сильных героев, которая обязательно закончится счастьем.

© Осокина А., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глава 1

Ясна спряталась от громкой музыки и с удовольствием вдыхала аромат отцветающих яблонь, прислонившись к шершавому стволу.

— Зачем вы это делаете? — позади раздался негромкий, но довольно раздраженный голос.

Девушка вздрогнула, но заставила себя не двинуться, не обернуться. Если Варгрофу надо, пускай сам к ней подходит.

— Делаю что? — спросила, а сама не смогла унять сердце, которое колотилось в груди.

— Вы знаете.

Мужчина возник перед ней темной каменной глыбой. Ясне пришлось задрать голову, чтобы увидеть его глаза. Они улавливали далекие огоньки свечей из дома и чуть поблескивали.

— Не имею представления, о чем ты вообще толкуешь, — она сильнее вздернула нос. — Я не могу потанцевать с будущим мужем?

— Значит, вы уже все решили? — и снова эта ухмылочка, которая выводила Ясну из себя настолько, что внутренности словно выворачивались наизнанку.

— А разве у меня есть выбор? — спросила она.

Хотела произнести это с достоинством, но получилось затравленно. Она почувствовала, что к горлу подступил ком.

— Выбор есть всегда.

— О чем ты говоришь?

Варгроф не ответил. Но его глаза непостижимым образом быстро оказались на одном уровне с ее. Слишком близко. Она смотрела на его губы и не могла дышать, как будто, если сделает вдох, сократит оставшееся расстояние между ними. Он, словно факир, словно маг, выступающий на рыночной площади, загипнотизировал ее. Ясна следила за тем, как его лицо все приближается к ней, и ничего не могла с собой поделать. Никак не могла остановить неизбежное. Нужно было вырваться, убежать, спрятаться от этого чужестранца, но она встретила его губы. И это выбило из груди остатки воздуха.

Его кожа оказалась гораздо более мягкая, чем можно было вообразить, только обветренная корочка немного сгладила ощущение нереальности происходящего.

В тот момент, когда он коснулся ее, Ясна ахнула. Его руки захватили ее затылок и, портя прическу, впились в волосы, притягивая лицо к лицу. Еще ближе. Ясна в прямом смысле забыла, как это — дышать. Он сминал ее губы своими, терзал, до боли растирая нежную кожу жесткой щетиной.

И только когда он оторвался от нее, девушка смогла сделать вдох, будто долго плыла под водой и наконец вынырнула. Она закрыла губы пальцами и смотрела на него, ловя ртом воздух, беспомощно хлопая ресницами, и даже не знала, что сказать. Ей нужно было дать ему пощечину, закричать, приказать, чтобы он больше никогда к ней не прикасался, но она просто не могла произнести ни слова. Воин отошел от нее на несколько шагов, и лицо его снова ничего не выражало.

— Я научу тебя быть послушной! — услышала Ясна, и в тот же миг воздух прорезал свист хлыста, а кожу на плечах обожгло огнем.

Она вскрикнула, а на глазах мимо воли показались слезы. Эта была чистая боль. Яркая, ничем не замутненная. Ясна еще ни разу в жизни такого не испытывала. Боль ввинчивалась в кожу, заполняя не только плечи, но проникала глубже, под кожу, в душу. И если слезы лишь

заполнили глаза пленкой, от которой расплывалось все вокруг, то сердце уже рыдало вовсю. Горькая обида заполонила все ее естество, не осталось ни одной другой эмоции. Ей хотелось кричать, бить кулаками стены, пока не покажется кровь, но вместо этого она засунула все эмоции глубоко внутрь, закрыла их на замок и, подавив новый вскрик, когда хлыст опять свистнул в воздухе, только судорожно вздохнула.

В глазах потемнело от нового приступа жжения. Спина пылала, но Ясна удержалась на ногах. Она продышала эту боль. Она вытерпела ее, готовясь к новой, но свист плети не последовал. Она опасливо приоткрыла глаза. Полный темноволосый мужчина почти в четыре локтя* ростом с хорошо выдающимся животом покраснел и тяжело дышал всего после двух ударов.

Вокруг ходили люди, они разговаривали, смеялись, торговались. Рынок проживал самый обычный день. Недалеко продавали овощи, а совсем рядом — кур, которые сидели в больших плетеных клетках. Голоса торговцев и покупателей сливались в однородный гул, который Ясна даже не пыталась разобрать.

Она стояла рядом с великаном невероятно маленькая. Девушка и так не отличалась ростом, была меньше трех локтей, а по сравнению с этим чужестранцем и вовсе казалась мурашкой. Напуганной, но очень гордой мурашкой, которая, несмотря на удары, смогла вздернуть подбородок, чтобы посмотреть в разъяренные глаза мучителя. Крупные капли пота собирались на его лбу и стекали по вискам. Он вытер лицо рукавом пыльной рубахи.

— Опустит глаза, девка! — снова занес над ней руку, но на этот раз левую, без хлыста. Ясна отчетливо видела, как ладонь летит к ее щеке, но не сдвинулась с места, не шелохнулась, пока голова ее не дернулась в сторону — такой мощный получился удар. Щека сразу же онемела. Даже не так: вся правая сторона головы как будто одеревенела. Девушка медленно повернулась обратно и исподлобья воззрилась на гиганта. Он продолжал сверлить ее свирепым взглядом и уже занес руку для нового удара. Руки ее были спутаны спереди и привязаны к массивному металлическому кольцу, которое намертво вкопали в землю, так что она даже не имела возможности поднять их, чтобы защититься. Да и какой от этого толк? Слишком неравны силы.

Тяжелая рука уже взлетела в воздух, Ясна зажмурилась, но тут же услышала грозный голос:

— Горгут, не по лицу!

Девушка медленно открыла глаза. Рядом с гигантом стоял человек совершенно обычного роста и телосложения, он казался даже худощавым, особенно по сравнению с мучителем.

— Она не опускает глаза! — прорычал тот.

— Она еще слишком юна и, наверное, из благородных, — окинул ее испытывающим взглядом подошедший.

Речь их Ясне была вполне понятна, только говор немного иной, не такой, как у ее народа, более грубый.

— Ты ланойка? — довольно ласково обратился к ней мужчина, и из-за этого тона она соизволила кивнуть.

— Видишь, Горгут, она ланойка, а они все такие... гордые, — произнес это слово так, будто катал во рту сахарный леденец.

— Ей надо научиться послушанию, иначе грош цена такой невольнице, — продолжал настаивать великан.

Щека Ясны начала отходить от онемения и нещадно пульсировала и пекла.

— Учи, это твоя работа. Но не порти мне товар, пожалуйста, — улыбнулся тот. — Если ты еще чего доброго, повредишь глаз или сломаешь ей нос, я смогу продать ее в лучшем случае за треть от той цены, которую планирую выручить, — он говорил это совершенно спокойным будничным тоном, как будто обсуждал продажу лошади или коровы.

Конечно, ведь это не его жизнь была разрушена. Не на его поселение напали. Не его дом ограбили, не его близких убили и не его взяли в плен, чтобы продать в качестве невольника.

Нет, он не испытывал того, что творилось в душе Ясны. И она ненавидела этого худощавого господина за этот холодный тон даже больше, чем великана, который ее избивал. Ведь тот был лишь наемным работником, а этот, похоже, и есть ее хозяин.

Она мало помнила о том, что произошло. Память как будто защищала ее, убрала самые страшные воспоминания.

— И если ты ее испортишь, — хозяин кинул на Ясну быстрый взгляд, — в таком случае я вычту разницу из твоего жалования, ты это понял?

Гигант недовольно кивнул.

— Вот и славно, — улыбнулся мужчина и похлопал великана по предплечью. Очевидно, чтобы достать до плеча, пришлось бы сильно задирать руку, а это выглядело бы нелепо. О нем же меньше всего можно было сказать, что он нелеп: аккуратно подстриженная светлая борода, умные, но невероятно циничные карие глаза, дорогая одежда.

Он отдалился, обходя и других девиц. Их Ясна не знала. Те стояли, опустив плечи и головы низко-низко, так, что Ясна начинала ненавидеть и их. Да, они сейчас в равном положении, но какого демона не противятся своей участи? Почему они смирились?! Ясна никогда не примирится с судьбой рабыни. Никогда! Уж лучше умереть!

Только эта жгучая ненависть, которая зарождалась в ней прямо сейчас, давала силы стоять на ногах на палящем полуденном солнце, не опустить голову, не упасть на колени, смотреть в глаза мучителю даже сквозь пелену боли.

— Опусть глаза, девка, — повторил Горгут, который выглядел уже не настолько красным, как несколько щепок** назад. Его голос стал более спокойным, но он все так же продолжал сжимать хлыст.

Ясна видела, что ему не терпится снова ее ударить, правая рука его дернулась, но он еще ждал. Девица лишь смотрела на него, а потом медленно покачала головой.

Хлыст взмыл в воздух, но не успел опуститься.

— Упрямая? — спросил кто-то сзади великана.

Ясна не видела за его огромными плечами, кто это. Горгут повернулся в сторону говорившего.

— Упрямая, спрашиваю? — на них с улыбкой смотрел довольно высокий и хорошо сложенный мужчина лет пятидесяти.

Ясна смерила его взглядом, все еще не собираясь отводить глаза.

— Очень, господин, — не собирался врать Горгут. — Учю уму-разуму, — проворчал он.

— Мне такие нравятся, — улыбка незнакомца стала шире. На Ясну смотрели два внимательных зеленых глаза с прищуром. Он напоминал ей кота. Довольного, только что налижавшегося сливок кошака. Прохожий провел указательным и большим пальцем вдоль своей аккуратной бороды, подстриженной так, что она казалась острой на подбородке. У него были черные волосы, хорошо сдобренные седыми нитями, из-за чего цвет их казался серым, седина чуть усиливалась на висках. Но это вовсе его не портило. Он был скорее мужественен, чем красив, но еще пару десятков лет назад наверняка обращал на себя внимание каждой девицы, находившейся рядом.

— Можно? — обратился он к великану, кивнув на Ясну.

— Разумеется, господин, — отступил тот.

И, несмотря на то, что опасность в виде хлыста прямо сейчас миновала, невольница сделала шаг назад, ровно настолько, насколько позволяли ей путы, чтобы быть дальше от этого господина. Глаза его, хотя и блестели на солнце изумрудной зеленью, глубоко внутри излучали холод. Будто два куска льда. И это испугало Ясну гораздо больше, чем плохо контролируемая ярость Горгута.

— Не бойся меня, — сказал человек, приблизившись.

Он нежно коснулся ее волос самыми кончиками пальцев.

— Волосы цвета спелой пшеницы, — негромко заметил он.

Ясна едва сдерживала дрожь.

— А очи лиловые, как лепестки ирисов, — довольно улыбнулся он, и вокруг его глаз рассыпались мелкие морщинки.

— Серые, — Ясна вздернула подбородок. — У меня серые глаза.

— Серые с лиловым оттенком, — мужчина прикусил губу, будто любясь рабыней. — Открой рот, — приказал он ей.

Она чуть качнула головой. Тогда он, не говоря больше ни слова, крепко схватил ее за подбородок. Его пальцы впивались в ее плоть, как железные пруты, она даже не могла пошевелить головой, только метнула взгляд к Горгуту, но тот удовлетворенно улыбался.

Незнакомец большим пальцем отодвинул ей нижнюю губу, разглядывая зубы. И кивнул.

— Белые как жемчуг.

— Да вы поэт, господин, — уважительно заметил великан.

— В свободное время я действительно пишу стихи, — ухмыльнулся зеленоглазый и резко отпустил лицо Ясны. Она уже не могла сдерживать мелкую дрожь. Чем-то этот господин, хотя и не причинил ей боли, пугал до слабости в коленях. Что-то было в его глазах такое, от чего Ясне хотелось бежать с воплем.

Он взял обе ее ладони, которые туго соединяла веревка, и развел их в стороны, разглядывая кожу.

— Руки нежные, не привыкшие к работе.

— Это ничего, господин, все они прекрасно учатся работать, — подошел к ним улыбающийся хозяин Горгута. — Рад приветствовать вас!

— Взаимно, — чуть склонил голову покупатель. — Меня не пугает ее изнеженность, она нужна мне для другого.

— О-о-о! — понимающе протянул мужчина. — Эта девица еще невинна, в этом меня заверил лекарь, я всех своих девочек проверяю перед продажей.

Ясна сжала челюсти, вспомнив унижительную процедуру, которой ее подвергли вчера.

— Боюсь, вы меня не так поняли, — пожал плечами покупатель. — Я счастлив в браке.

— Простите, господин, наверное, я действительно не о том подумал. Тогда, быть может, вам приглянется вон к тем невольницам? — он указал в сторону других рабынь. — Я не возьму за них так дорого, как за эту.

Но покупатель даже не посмотрел туда, куда показывал торговец. Он неотрывно следил за лицом Ясны, и это ее пугало. А он, видя, насколько ей неуютно под его взглядом, лишь растягивал губы в улыбке все шире и шире.

— Цена не имеет значения, — качнул он головой. — Я беру ее.

Ясна глянула на торговца: его глаза расширились, он даже чаще стал дышать, наверное, в предвкушении денег, которые выручит за рабыню.

— Пятьсот золотых.

Зеленоглазый без лишних слов отстегнул от пояса толстый кошелек и вытащил из него пять небольших тканевых мешочков.

— В каждом по сто золотых, — сказал он.

Пока хозяин пересчитывал деньги, Горгут развязывал замысловатый узел на кольце.

— Все верно, господин, — наконец поклонился ему хозяин. — Горгут сопроводит рабыню в ваш дом, чтобы она, не дайте боги, не сбежала.

*Локоть — мера длины, равная примерно 54 см.

**Щепка — единица времени, равная примерно несколькими минутам.

Не успела Ясна как следует осознать, что ее продали, как зеленоглазый помахал кому-то рукой, и к ним подъехала небольшая повозка.

— Садись, — кивнул он девице.

Она слотнула, но чувство самосохранения вопило, что этого человека лучше слушаться. Он все прочитал в ее глазах и миролюбиво улыбнулся.

— Думаю, не стоит утруждать Горгута, господин, — обратился он к хозяину невольниц. — Я уверен, все будет хорошо.

— Теперь это ваша собственность, — согласился тот. — Как вам будет угодно.

Ясна сейчас не смогла бы сбежать, даже если бы ей развязали руки и оставили одну. Какой-то липкий страх сковал ее, не позволяя даже свободно дышать, не то что предпринять меры по восстановлению свободы. Она, словно в тумане, наблюдала за тем, как этот статный человек садится рядом и приказывает извозчику трогаться.

За все время, пока они ехали, он ни разу не посмотрел на нее. Она была почти свободна. Спрыгнуть на ходу и постараться затеряться в толпе. Но что-то не давало ей этого сделать. Какая-то неведомая доселе робость заморозила ее.

— Как тебя зовут? — наконец посмотрел на нее новый хозяин, когда они остановились у ворот одноэтажного, но очень богатого и большого дома.

— Ясна, — тихо сказала она, все силы бросив на то, чтобы не опустить глаза.

— Ты ланойка, — в его голосе не звучало вопросительных интонаций.

Девушка кивнула. Ей нечего скрывать. Это не она напала первая. Ланойцы вообще были очень мирным народом, в отличие от родственников, но вместе с тем чуждых им соседей.

Легенда гласила, что жили на свете три брата: Согур, Робоф и Ланой. Существовали они мирно, пока Ланой, младший из братьев, не взял себе в жены девуцу. Она очень понравилась Согуру, старшему брату. И тогда он подговорил среднего — Робофа, чтобы тот помог ему украсть жену их брата. Ланой сначала не понял, кто увез его возлюбленную, и пока он ее искал, она из тоски по нему утопилась в озере. Узнал Ланой о злодеянии, которое совершили против него братья, и уехал от них в дальние земли.

Конечно, Ясна знала, что это всего лишь легенда, но она прекрасно объясняла все, что с ней произошло. Потомки старшего из братьев продолжали нести вред сородичам, нередко нападали на ланойцев, грабили их, брали в плен. Робофы обычно не вмешивались, хотя среди них были отличные воины. Ясне просто не повезло. Не повезло, что напали именно на ее городок. Не повезло, что в ее доме в тот день не было охранника. Не повезло. Всего лишь не повезло...

Новый хозяин помог ей спуститься, потому что сделать это со связанными руками у нее вряд ли получилось бы. Извозчик открывал ворота, чтобы заехать во двор, а зеленоглазый провел свое приобретение через калитку.

Двор выглядел просторно. Красную землю утоптало множество ног. Можно было бы подумать, что это глина, но нет. По рассказам путешественников девушка знала, что земля согуров очень скупая. Красная почва давала плохие урожаи, в отличие от плодородных полей ланойцев. Наверное, поэтому согуры славились как хорошие торговцы.

Однако чем занимался ее новый хозяин, Ясна понять с первого взгляда не смогла. Довольно пустой двор, несколько скамеек с навесами от солнца, пару кустов, посаженных в большие горшки с черной землей, колодец. Дом был из красного камня, обмазанный белой известью на стыках. В целом жилище внушало какое-то уважение, однако от обилия красных оттенков у Ясны зарябило в глазах.

Навстречу им вышел высокий широкоплечий мужчина. Ясне так и хотелось назвать его воином. На груди у него висели коричневые кожаные доспехи, которые продолжались на бедрах, а на поясе висел меч.

— Господин, — он чуть склонил голову в приветствии.

— Позови госпожу Авину, Лассел, будь добр.

Когда воин, который, очевидно, в этом доме служил кем-то вроде охранника, исчез в дверях, его хозяин, не заходя в дом, присел на скамейку с деревянным навесом, который защищал его от палящего солнца.

Он не предложил сесть Ясне, поэтому она осталась на том же месте. Она рассматривала забор, пытаясь найти в нем брешь, чтобы сбежать.

— Даже не пытайся, — добродушно улыбнулся он, а в его зеленых глазах стоял лед. — Если попытаешься уйти, я высеку тебя до смерти, слышишь, девочка? До смерти, — улыбнулся он, как будто разговаривал о погоде.

И она ему поверила. Несмотря на то, что по спине ее тек пот из-за жары, ее пробрала дрожь.

Через щепку из дома вышла женщина почти такого же возраста, как и новый хозяин. На ней красиво сидело легкое белое одеяние. Ясне показалось, что она просто замоталась в очень длинный отрез ткани и заколола это все булавкой, по крайней мере, именно так это выглядело. Так обычно и одевались согурские женщины. Возможно, это объяснялось тем, что у них всегда было очень жарко и сухо, а отрез ткани закрывал тело от чужих глаз, но при этом воздух свободно проникал к коже. Лицо женщины имело тонкие черты, светлые волосы она уложила в высокую прическу. Чем-то неуловимым Ясне она напомнила ее собственную мать. Только глаза у матушки такие же, как у самой Ясны — серые, хотя многие сравнивали их с лиловыми цветами. Впрочем, это зависело от настроения.

Как только подошедшая увидела мужчину, улыбнулась и села рядом.

— Титум, возлюбленный муж мой, ты сегодня рано.

Он взял обе ее ладони и по очереди поцеловал каждую.

— Авина, любовь моя, распорядись, чтобы нашу новую девицу устроили с удобством, — он кивнул в сторону рабыни.

Только сейчас женщина обратила на нее взор. Госпожа долго рассматривала новоприведенную. Ясна подумала о том, что сейчас она начнет ворочать голову то к левому, то к правому уху. Так иногда делают псы, когда пытаются понять, что от них хочет хозяин.

Авина медленно поднялась, не отводя светло-голубых глаз от новенькой, и не спеша двинулась к ней, изучая ее и как будто запоминая каждую черточку лица.

— Как тебя зовут, девочка? — тихо спросила она, и в голосе ее как будто звучало сожаление.

— Ясна, — произнесла она.

— Пойдем, — хозяйка, взяв ее за руки, повела в дом.

Невольница уже не чувствовала пальцев из-за веревок и была очень рада, когда первым делом Авина отвела ее на кухню, взяла нож и разрезала тугий узел. Девица непроизвольно зашипела, когда кровь хлынула в бледные пальцы. Кисти кололи тысячи и тысячи мелких иголок.

— Хочешь есть? — обратилась она к рабыне.

Та кивнула. По правде говоря, у нее уже в глазах темнело от голода.

— Зелья! — кликнула женщина, и почти сразу же в просторное помещение кухни вошла очень полная женщина с темной, как уголь, кожей и жесткими волосами, которые вились мелкими кучеряшками. Грудь ее могла бы достать носа, если бы та опустила лицо.

— Чего желает госпожа? — чуть склонила она голову. То, как Зелья говорила, выдавало в ней чужестранку ничуть не хуже, чем цвет ее лица. Голос низкий, грубый, казалось, языку трудно двигаться во рту, помогая воспроизводить непривычные звуки.

— Это Ясна, она новая невольница господина Титума, — при этом голос хозяйки сорвался. Она прочистила голос и продолжила: — Накорми ее, а потом проводи в комнату.

Ясна недоверчиво посмотрела на Авину. Почему она так странно себя ведет? Но и спросить у нее не могла. Да и кто ей ответил бы?

— Слушаюсь, госпожа, — кивнула чернокожая женщина и принялась выставлять из шкафа тарелки.

Авина удалилась, тихо шурша дорогим белоснежным нарядом. А толстуха вытащила кругляш темного хлеба, отрезала от него несколько ломтиков, потом повторила то же самое с ярко-рыжим сыром. Соединила куски сыра и хлеба и подала их Ясне.

— Садись, — указала она на стул. — Ешь.

— А можно мне воды? — робко спросила девица. Чудовищная усталость навалилась на нее. И сейчас она была не способна на героические поступки. Ей хотелось только отдохнуть.

Чернокожая взяла глиняную бутыл, откупорила ее и налила в кружку бордовую жидкость.

— Пей.

Ясна понюхала напиток и покачала головой.

— А можно ли обычной воды?

— Вода плохая, заболеть можно, — объяснила та. — Я Зелья, — представилась она.

Девица вздохнула и осторожно сделала один глоток, потом еще и еще, пока не почувствовала, что притупила жажду. Напиток немного жег язык и губы, от него кружилась голова, но все же это было лучше, чем ничего.

— Ясна, — назвалась она.

— Ты полегче, — кивнула Зелья на кружку. — С непривычки может голова потом болеть.

— Спасибо, Зелья, — выдавила из себя улыбку Ясна и откусила хлеб с сыром. После нескольких дней голодания эта простецкая еда показалась ей невероятно вкусной. Впрочем, так оно и было, продукты ей предложили свежие и мягкие. Она разделалась с пищей буквально в несколько больших кусков, тщательно пережевывая и запивая все остатками терпкого напитка.

Полная рабыня смотрела на нее с жалостью, как смотрят на умирающего цыпленка. И Ясна не могла понять почему. Ведь она оказалась в таком же положении, как и сама Зелья. Возможно, та тоже не согласна со своей участью? Возможно, в этой еще не старой женщине она найдет союзницу для побега? Она поверила господину Титуму, что он выполнит угрозу засечь ее до смерти, но все же не могла не попытаться сбежать. Просто не могла. Уж лучше умереть, пытаясь обрести свободу, чем всю жизнь провести под чужим гнетом. Но еще слишком рано. Нужно затаиться, подружиться со слугами или другими рабами, нужно узнать, как они живут, есть ли здесь другие выходы, составить план, все продумать. И только после этого сделать единственную решительную попытку.

Глава 2

— Доченька! Доченька, скорее, просыпайся! — Рада трясла Ясну за плечи. Девушка с трудом открыла глаза. Что происходит? Ведь еще темно. Ее никогда не будили так рано.

— Ма-а-ам?

Та быстро зажала ей рот ладонью.

— Тш-ш-ш! Там согуры, много. Тебе надо уходить!

Ясна подскочила на кровати. Она слышала о нападении согуров, но это всегда было так далеко, на границе между двумя народами. Но они-то жили далеко оттуда! Здесь не может быть никаких врагов!

— Я не понимаю, — зашептала она.

— Нет времени, Ясна, беги!

Мать вытащила дочь из кровати и тихо распахнула ставни, проверяя, чтобы никого снаружи не было.

— Постарайся добраться до дома жениха, у Фолкарда гораздо больше охраны, они отражат удар, он защитит тебя! Давай же!

Мать поцеловала Ясну в щеку и подтолкнула к окну.

— А ты? А папа? А Ямис?

— С нами все будет в порядке, обещаю!

— Нет, я без тебя не пойду!

— Ясна, сейчас не время упрямиться! — зашипела мать. — Полезай в окно, выжди в кустах, пока никого не будет, и беги!

Ответить Ясна ничего не успела, на первом этаже раздался грохот, будто кто-то выбил входную дверь, а уже в следующий миг дверь в ее комнату тоже врезалась в стену.

Мать закричала, закрывая собой миниатюрную Ясну. На пороге стоял крупный мужчина в кожаных доспехах. В руке он сжимал обнаженный меч. Он сделал шаг внутрь комнаты, но тут же замер с пустым выражением лица, а в следующий момент женщины увидели, что из горла его показался кончик ножа. Воин упал на колени и повалился навзничь с глухим звуком, кровь лужицей быстро растекалась по дощатому полу, и в свете луны она казалась черной.

— Ямис! Сыночек! Хвала богам! — тихо воскликнула мать.

— Я их задержу, бегите!

Они слышали звуки борьбы где-то в доме, потом короткий крик и тишина. Ясна похолодела, потому что узнала этот голос. Он принадлежал ее отцу. Она зажала ладонью рот, чтобы не закричать. Мать потянула ее к окну, но не успели они сделать и двух шагов, как в проходе появился другой мужчина. С лезвия его длинного меча что-то капало. Брат Ясны зарычал и кинулся на врага. Но слишком сильна была разница в их вооружении. Ямис был в одних домашних штанах, даже без рубахи, только лишь с ножом в руках, а его противник — в доспехах и с мечом.

Драться в коридоре они не смогли бы, слишком мало места для маневров. Оба ворвались в комнату, начав кружить по ней.

— Бегите же! — прокричал Ямис.

Это стоило ему концентрации. Один быстрый выпад со стороны согура, и на бледной груди Ямиса стал распускаться кровавый цветок. Противник вытащил меч, и брат упал. О том, чтобы бежать, Ясна, как и ее мать, больше не помышляли, они с криками бросились к молодому человеку, который был всего на несколько лет старше сестры.

— Мама, — прошептал парень, мать схватила его за руку, по щеке ее катились крупные слезы, она рыдала в голос:

— Сыночек! Сыночек мой!

Ясна почувствовала, как ее горла коснулось холодное лезвие. Она не произнесла ни звука, готовясь к скорой смерти. Но вместо этого захватчик сказал:

— Отпусти его и иди за мной, если попытаешься сбежать, я перережу ей глотку, — в доказательство своих слов мужчина сильнее прижал меч к ее коже. Ясна боялась даже сглотнуть слюну, чтобы он ее не порезал. Она смотрела на умирающего брата, на убивающуюся над ним мать, и беззвучные слезы катились по ее щекам. Глаза Ямиса закрылись.

Женщина кинулась на его грудь, прижимая его к себе, при этом безвозвратно портя белоснежную ночную рубаху. Но теперь уже все равно. Разве имеет значения какая-то одежда, когда умирает сын?

— Встать! — рявкнул согур.

От этого звука женщина посмотрела на него осмысленным взглядом, и сквозь великое горе проглядывал испуг. Она поняла, что может лишиться еще и дочери. Медленно выпустила Ямиса из объятий и поднялась.

Ясна подхватила, часто и неглубоко дыша. Это был сон. Кошмар. Всего лишь кошмар. Она дома, у себя к кровати. Рассветные лучи проникали сквозь узкое окно. Но у Ясны никогда не было такого. Она медленно повернула голову, оглядывая помещение. Три узкие кровати со спящими на них людьми, не считая той, на которой лежала она: две у одной стены, две — у другой, в ногах каждой — сундук. Посреди комнаты — большой ковер. Вот и вся обстановка.

Внезапное понимание, что все это явь, врезалось в сердце так, что оно сбилось с ритма. Ясна стала ловить ртом воздух. А в горле зарождался крик. Вот что случилось на самом деле. Вот что скрыла от нее память, когда тот негодяй, убивший ее брата, грубо толкнул ее в телегу, и она сильно ударилась затылком. А когда очнулась, была уже далеко, а рядом — ни единого знакомого лица.

Горе захватило ее с головой, она даже не сразу почувствовала, как очутилась на пышной груди Зельи. Женщина прижимала ее к себе и гладила по голове, пока Ясна ревела в голос.

— Тише, девочка, тише, хозяин услышит, плохо будет, — приговаривала она, пока новая рабыня не прекратила кричать. Ясна еще продолжала всхлипывать, но уже негромко, и Зелья отпустила ее.

Девушка отползла от доброй женщины к изголовью постели и прижала колени к груди, опустив лицо. Она все вспомнила. И реальность оказалась настолько душераздирающей, что Ясна себя потеряла.

Глава 4

Когда Зелья убедилась в том, что девушка успокоилась, она с кряхтением поднялась с ее постели. Рабыня не выглядела старой, но с ее пышной комплекцией, должно быть, трудно двигаться быстро.

Только сейчас Ясна обнаружила, что и остальные женщины, которые спали рядом, уже проснулись. Вчера она их здесь не видела.

— Это Эрмина и Йанетта, — кивнула по очереди на каждую чернокожая.

Эрмина оказалась высокой и тощей. Редкие светлые волосы взлохматились во время сна, она имела невероятно белую кожу с розовинкой и чуть выпученные глаза. Она была довольно молода, но старше Ясны. Йанетта выглядела примерно на тот же возраст, что и ее соседка, только тело ее лучилось здоровьем, кожа светлого оттенка от долгого пребывания на солнце потемнела, а каштановые волосы, наоборот, выгорели почти до рыжего цвета. Все, включая

Зелью, были одеты тоже в широкие полосы ткани, обернутые во много слоев вокруг тела, только материал явно грубее, чем у их хозяйки, а цвет — коричневый.

Обе женщины смотрели на новенькую с одинаковыми выражениями лиц: с жалостью. Ясна не понимала почему, ведь, по сути, они равны в своей никчемности сейчас.

— Вы тоже рабыни? — все же решила уточнить Ясна, чтобы быть уверенной.

Все закивали.

— И вас это устраивает? — не удержалась девица.

Женщины только переглянулись между собой, но ничего не ответили. Ясна беспомощно сжала кулаки.

— Приведи себя в порядок и оденься, — кивнула Эрмина на отрез коричневой ткани, который лежал на сундуке у кровати, где спала Ясна.

Она как-то растерянно окинула себя взглядом. Новенькая все еще была в белой ночной рубаше, в которой ее похитили из дома. Только теперь та испачкалась и стала неопределенно-серого цвета.

Сперва волна негодования поднялась в ней, но Ясна заставила себя сделать так, как советовала ее подруга по несчастью. Она здесь не останется, но пока не время. Остро ощущая каждое движение, потому что кожа спины еще хранила свежие полосы боли после вчерашнего избиения, Ясна подползла к краю кровати и поднялась на ноги.

— Я не знаю, как это надевать, — взяла она в руки ткань.

— Сначала тебе нужно обмыться, — сказала Зелья. — Хозяин не любит, когда мы ходим грязные.

При упоминании о нем все три женщины как-то изменились в лице.

— В чем дело? — снова не выдержала Ясна. — Почему вы его так боитесь?

— Пойдем, я покажу тебе, где у нас купальня, — взяла ее за руку Йанетта и потащила из спальни.

— А мне нужно на кухню, — бросила им вслед Зелья. — Хозяева скоро проснутся.

Йанетта вывела новую невольницу из дома, на заднем дворе она увидела небольшой домик. Ясна оглянулась. Забор был высокий и сплошной. Она его ни за что не перелезет. Завершая круг глазами, она наткнулась на уже знакомого ей воина, который встретил их, когда они с господином Титумом только приехали. Он смотрел на нее шурясь и ухмыляясь. Раньше мужчины не позволяли себе так пялиться на нее. Никто и никогда. Разве что Варгроф подходил к этой черте взглядом, но даже он скорее дразнил, чем действительно хотел задеть. А этот человек совершенно не стеснялся. Но теперь она даже не может подойти к нему и дать пощечину за те мысли, которые явственно читались на его лице.

— Не смотри на него, Ясна, не смотри! — зашептала догнавшая их Эрмина. — Скорее, идемте!

Вместе они вошли в маленький домик. Он был тоже выложен из камня. Тут стояла большая деревянная бадья, несколько кувшинов и ведра с водой.

— Раздевайся! — скомандовала тощая рабыня. — Живее!

Ясна стянула с себя рубаху. Эрмина жестом указала ей стать в бадью. И когда девица так сделала, Йанетта взяла в руки ведро и принялась поливать из него новенькую. Вода показалась ледяной, в первый миг Ясна даже вскрикнула и хотела вылезти. Но все же липкая от пота кожа очень скоро привыкла к холоду. Эрмина вручила ей кусок какой-то жесткой ткани и небольшой кувшинчик.

— Это щелок, — коротко пояснила она.

Ясна принялась натирать тело жесткой тряпкой, а потом нанесла немного щелока и на кожу головы, хорошенько ее помассировав. Когда все было готово, Йанетта снова полила на нее холодную воду. Когда она закончилась, та взяла еще одно ведро. Она лила и лила воду, пока кожа не стала скрипеть.

Рабыня подала новенькой отрез мягкой ткани, и Ясна вытерлась им, а потом завернула волосы, чтобы с них не капала вода, пока Эрмина очень быстро заворачивала ее в коричневую ткань. В конце она пристегнула край самой обычной металлической булавкой.

Ясна обратила внимание на то, что все невольницы ходили босиком. Она не привыкла быть без сапог или хотя бы без комнатных туфель или башмачков. Однако выбора ей никто не оставил, поэтому пришлось идти так, как ее и увезли из родного дома: босой.

— Видишь вход рядом с купальней? — спросила Йанетта, и, когда Ясна кивнула, продолжила: — Это отхожее место для прислуги. Лассел тоже туда ходит. Будешь туда идти, смотри, чтобы он в это время тебя не подкараулил, он охоч до девок.

Она говорила это совершенно обыденным тоном, а у Ясны внутри все перевернулось.

— А что же хозяева? Они этого ему не запрещают?

За нее ответила Эрмина, которая шла рядом:

— Прямого запрета ему не давали, а он никогда не делает этого, когда они дома.

Они вошли на кухню, где уже царили невероятные запахи. У Ясны сразу же заурчало в животе.

— И что же, вы это терпите? Почему не скажете хозяину? Пускай он запретит этому козлу поганому вас трогать!

Она сказала это так пламенно, что все три рабыни расхохотались, а потом, как по команде, испуганно закрыли рты ладонями.

— Нет, девочка, — Зелья сразу поняла, о чем речь. — Хозяину нельзя жаловаться. Лассел пойдет в отказ, а нас накажут.

— Он и тебя... — Ясна пыталась подобрать слово. — Трогал?

— О, к счастью, я для него слишком стара, а может, его отпугивает цвет моей кожи, — усмехнулась Зелья.

— Но что-то же нужно делать! — воскликнула Ясна.

— Держаться от него подальше, — мрачно посоветовала Йанетта, сунув в рот горячий пирожок, который только что достала из печи Зелья. — А мне пора в огород, нужно все полить, пока солнце высоко не взошло, и грядки прополоть.

— Я думала, что здесь ничего не растет, — удивилась девица.

Эрмина пожала плечами.

— Чтобы здесь что-то росло, нужно много влаги. На огород хватает воды из колодца, а чтобы засеять поле, воды не хватит. Вот и выходит, что на лугах растут колючки какие-то, только на корм скоту и годятся. Ешь и пойдем работать.

— Но мне никто не говорил, что мне нужно делать.

— Раз не говорил, то и не надо ничего спрашивать, поверь. Пока будешь помогать мне по дому, — последнюю фразу она протянула как-то неуверенно, будто не знала, чем занять новенькую.

— Когда Титум меня купил...

— Господин Титум, — поправила Зелья. — Он на дух не переносит неуважения.

Ясна пожала плечами и продолжила:

— Он сказал, что берет меня не для работы, — вспомнила Ясна. — Но и не для... этого... — скомканно закончила она.

Эрмина опустила глаза. Ясна глянула на Зелью, та тоже как-то подозрительно не смотрела в ее сторону, а начала с остервенением строгать овощи.

— Для чего я ему? — твердо спросила девица, сверкая серыми глазами.

Женщины не успели ответить. Из глубины дома донесся голос хозяйки:

— Зелья!

Чернокожая сорвалась с места, на ходу вытирая ладони о рушник. Ясна собиралась продолжить допрос, но не успела ничего произнести, как Зелья вернулась и принялась суетиться,

разливая дымящийся травяной отвар по высоким чашам. Видно, это был еще один напиток, который заменял грязную воду.

На большой деревянный поднос она положила разные угощения и вручила все это оторопевшей Ясне.

— Хозяева сказали, чтобы ты им завтрак подавала.

— Титум тоже там?.. — робко поинтересовалась сероглазая невольница.

— Господин Титум, дырявая ты голова, — попеняла ей Зелья. — Да, он тоже там.

Сердце Ясны забилося быстрее. Она не могла бы сказать, почему ее так пугал этот человек, ведь он ничего пока ей не сделал. Наверное, как раз это самое «пока», а еще то, что она так и не узнала, для чего понадобилась мужчине, и вызывало в ней сильное беспокойство.

Ясна шла в сопровождении чернокожей рабыни, которая показывала, куда сворачивать. Дом внутри казался еще просторнее, чем снаружи. И девица поняла, что в нем можно легко заблудиться. Поднос был довольно увесистый, и Ясна ступала очень аккуратно, чтобы не споткнуться и не упасть. Ведь она прекрасно понимала, что за такой проступок ее вполне могут наказать, но она очень не хотела, чтобы ее снова били. Хватило уже тех двух ударов хлыстом и пощечины. Первое избиение в ее жизни и, она надеялась, последнее, ведь Ясна не собиралась задерживаться в этом доме, даже несмотря на угрозы хозяина.

Зелья раскрыла перед Ясной дверь, и та аккуратно вошла внутрь. Она оказалась в большой спальне. Да, это было огромное помещение, возможно, самое большое в этом доме. Уж точно просторнее комнатушки, где она спала. Невероятных размеров низкая кровать стояла почти посередине, четыре шеста на каждом углу поддерживали белый полупрозрачный полог, который распахнули: занавески привязали к шестам, чтобы материя не мешала проходу к постели. Недалеко стоял круглый столик, абсолютно пустой, возле него — два мягких пуфа. В этом помещении имелось несколько огромных окон, которые пропускали мягкий утренний свет. Легкий ветер раздувал точно такие же занавески, как на кровати, они никак не мешали солнечным лучам. Ясна бросила взгляд в одно из окон. Оттуда виднелось много зелени. Сад? Она его не видела. Нужно будет обязательно спросить о нем у Зельи, возможно, через него легче сбежать.

— Поставь поднос на стол, — донесся голос хозяйки.

Она не раздумывая сделала то, что та велела, и принялась аккуратно перекладывать еду на столешницу.

Боком она чувствовала на себе взгляд, от которого волосы на затылке становились дыбом, но не решалась обернуться. Она старалась закончить как можно быстрее, чтобы уйти от зеленоглазого человека, который вселял в нее необъяснимый ужас. Но когда она аккуратно все расставила и уже взяла поднос, чтобы скрыться, тихий вкрадчивый голос остановил ее.

— Оставь его и подойди сюда.

Рабыня застыла.

— Ясна, — добавил Титум.

Одно лишь слово, всего-то ее имя, но у нее перехватило дыхание. Она выпустила из рук поднос и на негнущихся ногах пошла к хозяйской чете. Авина сидела на кровати в легком халате с еще распущенными волосами, сейчас было особенно заметно, что среди светлых прядей есть вкрапления седых волос. Их было еще немного, но возраст женщины они выдавали, как и множество мелких морщинок на лице. Еще несколько лет, и она уже не сможет скрывать их от посторонних глаз специальными пудрами. Она смотрела на приближающуюся девицу настороженно и как будто с жалостью. Это разозлило Ясну, она не привыкла к жалости и вовсе не хотела, чтобы, глядя на нее, другие испытывали такие чувства. Это помогло ей гордо вскинуть голову и идти к ним с прямой спиной.

Титума же, который тоже сидел в халате, это как будто позабавило. Он сощурился и ухмыльнулся. Он словно что-то предвкушал, и от этого внутри у Ясны все переворачивалось,

но она с честью выдержала испытание и не опустила глаза. Невольница остановилась в двух шагах от хозяев.

— Ближе, — тихо приказал мужчина.

Ясна сделала еще шаг.

— Ближе! — возвысил голос он и одновременно, так как мог уже дотянуться до рабыни, схватил ее за тонкое запястье и дернул к себе. Это не было слишком больно, но Ясна не ожидала и вскрикнула, упав на кровать между хозяевами. Он отпустил ее руку. Первой мыслью было бежать прочь, но Ясна сдержала этот порыв. Еще рано, так она только накличет его гнев.

Она медленно поднялась на руках и посмотрела на зеленоглазого. Тот улыбался.

— Сядь, — сказал он.

На этот раз Ясна сразу же сделала так, как он хочет. Она оказалась ровно между мужчиной и женщиной.

— Умница, быстро учишься. Я не люблю, когда не выполняют мои приказы.

Он нежно провел кончиками пальцев по ее щеке.

— Распусти ей волосы, Авина, — его голос звучал совершенно спокойно, но жена тотчас послушалась.

Ясна не могла понять, в чем дело, ведь вчера Титум так тепло встречал Авину во дворе, но от нее веяло страхом. Девушка как будто языком чувствовала эту эмоцию, она оставалась во рту горечью, которую хотелось запить чем-то покрепче того напитка, которым вчера угощала ее Зелья.

Ясна заплела волосы в косу, после того как они высохли, как привыкла дома. Однако она видела, что женщины здесь обычно делали высокие прически из-за того, что на улице все время стояла жара. Это спасало от перегрева. Возможно, Титуму просто непривычна ее прическа.

Мягкие пальцы Авины аккуратно, вовсе не доставляя неприятных ощущений, скользили по пшеничным прядям Ясны. Когда хозяйка закончила, ее муж поднялся и протянул руку сначала жене, а потом рабыне.

Ясна увидела, что Авина подала кисть в ответ, и последовала ее примеру. Ладонь его была довольно мягкая, чувствовалось, что физическим трудом он не занимается, но прикосновение ощущалось твердым.

Он потянул обеих женщин к большому зеркалу, поставил их рядом. Авина оказалась только на несколько пальцев выше Ясны. Он положил ладони на плечи девушки.

— Какая ты красавица, — сказал он, и Ясна не могла понять, к кому он обращается.

А потом он отошел от них, оставив обеих перед зеркалом. Ясна даже боялась глубоко дышать, а потому не сразу заметила это, но когда взглянулась, уже не могла развидеть. Вот почему Авина сразу напомнила ей мать! У Ясны глаза другого оттенка, рост чуть ниже, губы — полнее, и, разумеется, она гораздо моложе. Но фигура, цвет волос, овал лица... Это все так похоже! Ясна на некоторое время даже забыла о хозяине, увлекшись разглядыванием их обеих в зеркале. А зря. Он внезапно возник у них за спинами, держа изогнутый кинжал. У Ясны расширились глаза от испуга, она дернулась, но Авина схватила ее за руку с необычайной для ее комплекции силой.

— Тише, я не причиню тебе вреда, — проворковал Титум, наклонившись к самому уху рабыни. Она судорожно сглотнула.

Он взял прядь ее длинных — ниже ягодиц — волос и отрезал большую часть. Теперь эта прядь заканчивалась на уровне лопаток, точно так же, как и у Авины. Та продолжала крепко сжимать ее ладонь и смотрела прямо в глаза через зеркало. Ясну начало колотить. А хозяин прядь за прядью отрезал шелк волос, которые она растила всю жизнь, сколько себя помнила. Да, волос жаль, но дело не в этом. Титум пугал ее. Выражением лица, с которым смотрел на нее, пока медленно перебирал локоны, всей ситуацией в целом. Он делал ее копией своей супруги.

Молодой ее копией. Грудь Ясны судорожно поднималась и опускалась, а она ничего не могла поделать с паникой.

Когда все пряди были укорочены, мужчина скептически оглядел каждую, потом встряхнул волосы, они взлетели в воздух пшеничным взрывом и тут же опустились на плечи.

Он медленно отложил нож и снова взял ее за оба плеча. Ясна и хотела бы вырваться, но ужас был настолько силен, что он сковал ее полностью.

Титум еще немного понаблюдал за выражением лица Ясны, и ей казалось, что он получает удовольствие от одного только страха в ее глазах.

— Ты можешь идти. Не собирай сегодня волосы, пускай отдохнут, и ты отдыхай, если захочешь, можешь зайти в сад. И скажи Зелье, что нас Авиной не будет до позднего вечера, мы приглашены на обед к моему другу, — произнес он мягко, но за этой мягкостью таилась опасность, и Ясна невероятно остро это ощущала.

Новая рабыня пошла напрямиком на кухню, там хотя бы была Зелья, которая неплохо к ней относилась. Или, по крайней мере, Ясне казалось, что она к ней так относится. Когда девица вошла к чернокожей, у той в ужасе раскрылись глаза. Но в тот момент Ясне было не до этого. Она села за стол, на котором готовили еду, и уставилась невидящим взглядом на стену. Зелья ничего не стала говорить или спрашивать, только откупорила вчерашний сосуд и налила полную чашу.

— Пей, — придвинула она к ней напиток. — Пей, пей.

Ясна взяла чашу трясущимися руками, расплескав немного, и залпом опустошила ее. В голове сразу же зашумело, она положила руки на стол, а на них — голову.

— Он безумец, — сказала Ясна скорее сама себе, чем Зелье.

— Тише, девочка, меньше будешь говорить, дольше проживешь в этом доме.

— О чем ты? — подняла голову Ясна.

Невольница только покачала головой. Новенькая скривилась, но спорить не стала.

— Титум просил передать, что не нужно готовить обед, — вспомнила Ясна.

— Господин, — всплеснула руками Зелья. — Господин Титум! Когда ты вобьешь это в свою дурную голову? — недовольно заворчала она.

— Зелья, как давно ты рабыня? — вдруг спросила Ясна.

— С рождения.

Женщина, кажется, не поняла, к чему этот вопрос.

— А я только несколько дней. И раньше такие, как Титум, сами называли меня госпожой, понимаешь?

— Не особо, — честно призналась чернокожая, принимаясь за работу. — Тебе сказали, чем сегодня заниматься? — глянула она на Ясну, помешивая что-то в большой кастрюле.

— Да, отдыхать.

Зелья только вздохнула.

— Вот и отдыхай. Ступай поспи, — предложила она.

Что ж, это была хорошая мысль, от терпкого напитка кружилась голова. Ясна поднялась и поняла, что перед тем как идти спать, ей необходимо выйти во двор.

Она аккуратно, придерживаясь за стену, пошла по направлению к выходу. Душа немного успокоилась, только она не могла понять отчего. Возможно, это лишь благодаря напитку, который ей так любезно предложила Зелья.

Когда она вышла, на миг солнечный свет ослепил ее. Ясна закрылась руками, пытаясь привыкнуть к нему, однако он проникал ото всюду. Постепенно глаза стали снова видеть. Она

направилась к отхожему месту, а когда вышла оттуда, кто-то схватил ее за руку и резко потянул за угол.

И вот она уже прижата к каменной кладке всем телом сзади, а спереди проход ей закрыл Лассел. Она его не боялась. Нет, конечно, опасалась, но он, хотя был высоким крепким мужчиной, любящим трогать женщин, не вызывал в ней того леденящего ужаса, который она испытывала рядом с хозяином.

— Что тебе надо? — вздернула она подбородок.

— Познакомиться поближе с новенькой, — промурлыкал он, осозная, что она от него никуда не денется.

— Ну, давай, знакомься! — громче, чем собиралась, воскликнула она. — Меня Ясной звать.

— Ох, бойкая какая! — облизнулся охранник. — А меня Ласселом кличут.

— Ну, вот и познакомились, а теперь я пойду, мне надо Зелье на кухне помогать, — не раздумывая соврала она и попыталась пройти, но охранник преградил ей путь рукой, оперев ее о стену, при этом ему пришлось сильно наклониться, потому что он оказался гораздо выше Ясны. Это неудивительно, потому что почти каждый выше нее.

— О нет, не покидай меня так скоро, Зелья и сама справится, всегда справлялась, — он ухмыльнулся и поднял брови. — Тем более господин Титум ушел на весь день.

При этом глаза его светились энтузиазмом, Ясне так и хотелось врезать ему, чтобы он отстал. Мужчина сделал шаг вперед, почти касаясь ее, что было непозволительно близко. Отступить оказалось некуда. Он взял в пригоршню ее обрезанные распущенные волосы и сжал. Не больно, но Ясне было неприятно это прикосновение. Просто неприятно. Она хотела находиться от Лассела как можно дальше. Желательно на другом конце земли.

— Пусти, иначе я все расскажу г-господину, — она споткнулась на этом слове, будто ей трудно было его произносить, но все же взяла себя в руки. — Господину Титуму. Я расскажу, что ты трогаешь его рабынь.

— О, ну перестань, — снова нежно замурлыкал наглец. — Господину Титуму все равно, что я делаю с вами, он мне этого не запрещал.

— Но ведь и не разрешал? — сощурилась Ясна. — Они боятся ему об этом рассказать, так ведь?

В глазах его промелькнуло нечто, по чему Ясна сделала вывод, что она попала в точку.

— А ты, значит, такая смелая, что об этом доложишь? — он немного отодвинулся от нее, чтобы лучше видеть выражение его лица.

— Именно!

Ясна воспользовалась моментом и, как когда-то учил ее брат, резким движением ударила не ожидавшего подвоха охранника между ног. Тот ухнул, словно филин, и согнулся пополам. Кажется, он даже ничего не мог вымолвить, иначе Ясна узнала бы о себе много нового, но она не стала ждать, пока он опомнится, а забежала в дом, уверенная, что он за ней не последует. Как девица уже успела заметить, воин не ходил внутри, находясь только на улице. Возможно, ему было запрещено туда входить. Она не знала, но на всякий случай поспешила скрыться подальше от хулигана.

Ясна сперва зашла к чернокожей невольнице, которая без передышки что-то строгала, но когда убедилась, что Лассел за ней не пошел, спокойно легла на свою кровать. Она думала, что будет бояться каждого шороха, что уж точно не сможет уснуть, однако чувство триумфа над воином было так сильно, что она с довольной улыбкой на губах погрузилась в сон. И, хвала богам, он получился без видений.

А вечером она проснулась от криков. Рабыни, которые уже готовились ко сну, все замерли. Ясна прислушивалась, но разобрать слова не могла, только интонации. Яростный голос господина Титума и молящий — его жены.

Почему-то Зелья, Эрмина и Йанетта, как по команде, посмотрели на свою новую подругу по несчастью. И все — с испугом. Они как будто чего-то ждали. И Ясна тоже стала ждать чего-то страшного.

Очень скоро все утихло. Девушка слышала, как за оконцем стрекочут цикады. А потом — тихие шаги к их комнатухе.

— Ясна, — вошла к ним хозяйка. — Пойдем.

— Куда? — поднялась растерянная невольница.

Но Авина и не собиралась отвечать, а требовательно протянула руку, хотя лицо ее выглядело заплаканным. Рабыням не полагалось спрашивать. Им полагалось делать только то, что приказывают. Возможно, Ясна и не послушала бы хозяйку, но что-то в глазах той заставило девушку взять ее руку и последовать за ней по темному коридору.

Сердце Ясны колотилось в глотке. Казалось, что именно сейчас она и узнает, для чего же господин Титум купил ее за такую огромную сумму, почему рабыни так смотрели на нее и, в конце концов, почему плакала Авина. Это все связано, но Ясна не была уверена, что хочет знать, как именно. К сожалению, выбора ей не оставили.

Они вошли в хозяйскую спальню. Ночью она выглядела совершенно иначе, нежели утром. Легкие занавески все так же развевались на окнах то внутрь, то наружу. Здесь не было свечей, однако луна достаточно ярко освещала комнату, чтобы можно было видеть очертания предметов, силуэты и даже лица господина Титума и его супруги.

— Муж мой, — Авина склонила голову, отпустив руку Ясны, и отошла от нее на несколько шагов.

— Ложись, Авина, — сухо сказал он, кивнув в сторону кровати. Женщина без единого возражения подошла к постели и скинула с себя легкий халат. В темноте ее обнаженное тело как будто даже немного светилось. Она забралась в кровать и почти до самого подбородка натянула одеяло.

Все это время Ясна непонимающе смотрела то на мужа, то на жену. Ей казалось, что она здесь лишняя, казалось, что здесь происходит нечто интимное, чего она до сих пор понять не могла. Но как только госпожа легла, поблескивая влажными глазами, глядя на них, Титум посмотрел на Ясну. И взгляд его не сулил ничего хорошего. Он взял ее за руку и потянул. Девушка не хотела идти за ним, она пыталась сопротивляться, но силы получились слишком неравны. Он почти без усилий подвел ее к ногам постели. Только сейчас невольница увидела на столбах, держащих полог, то, чего не заметила утром. К каждому столбу было приковано небольшое кольцо, а в кольцах висели шелковые шарфики.

Титум отпустил Ясну, она хотела сделать шаг назад, но уткнулась спиной в широкую грудь хозяина. Она как будто прислонилась к теплой стене. На нее неотрывно смотрела Авина. А зеленоглазый тем временем поднял одну ее руку и обвязал шарфом так, что она не могла пошевелить запястьем. Ясна испуганно дернулась.

— Ш-ш-ш, — склонился он к самому ее уху. — Если будешь дергаться, тебе будет хуже.

И почему-то Ясна отчетливо понимала, что он вовсе не шутит. Ей лучше стоять смирно, хотя сердце готово было выпрыгнуть из груди.

То же самое он проделал с ее вторым запястьем.

— Я люблю тебя, Авина, — сказал он шепотом, оттянув сзади распущенные волосы Ясны.

Это было больно, но она не издала ни звука, только часто и неглубоко дышала.

— Но иногда ты ведешь себя... — он остановился, будто подбирая слова, еще сильнее потянув рабыню за волосы, на глаза ее навернулись слезы. — Неподобающим образом.

— Титум, пожалуйста! — взмолилась Авина. — Я ничего дурного не сделала, ты же все время был там!

— Был! — подтвердил он и еще сильнее оттянул пряди. — И я прекрасно видел, как ты смотрела на него, потаскуха!

На этих словах он резко отпустил волосы Ясны. Она качнулась вперед и непременно упала бы, если бы не привязанные к столбам руки.

Хозяин быстрым движением вытащил булавку из ее одеяния, и резко рванул ткань, она сползла сверху, задержавшись на бедрах.

— Пожалуйста, не нужно! — взмолилась Ясна, уж не зная, чего и ожидать.

— Ни звука! — прошипел Титум ей в ухо.

Обнаженную до пояса невольницу спереди видела только Авина, ее глаза сильно расширились. Девушка понимала, что хозяйке страшно. Но, наверное, не так, как ей, потому что это не Авина была привязана к столбам.

Мужчина куда-то отошел, Ясна повернула в ту сторону голову, но не смогла увидеть в темноте, что он делает. Он почти сразу же направился обратно. Ясна отвернула голову, боясь, что он может разозлиться за то, что она за ним наблюдает. Каждый его шаг в полутьме отдавался внутри ударом колокола.

А потом он остановился. Замер. А в следующий миг спину пронзила боль. Ясна не удержалась и вскрикнула.

— Низкая, падшая женщина! — сказал Титум зло, и новая волна боли окатила невольницу.

Она не слышала звука хлыста, как на рыночной площади, но это было гораздо мучительнее. Спину будто обжигало градом. Хлыст протягивал по коже одну полоску, сейчас же сразу вся открытая поверхность тела сзади горела. Ясне показалось, что она вот-вот лишится чувств, но нет. Так легко она отделаться от страданий не смогла. Титум наносил удар за ударом, обращаясь к жене, называя ее грязными словами. Ясна коротко вскрикивала, до крови кусая губы, как будто одна боль могла затмить другую. Удары ускорялись, и Ясна издала громкий протяжный вопль. Она тут же почувствовала, как к спине прижалось горячее тело, от этого ее накрыло новой волной дурноты, мужчина зажал ей рот одной рукой, а другая в это время сдавила горло. Ясна не могла больше кричать, не могла ничего сказать, не могла вдохнуть. Она только смотрела в лицо Авины, по которому крупными каплями стекал пот. А, может, это слезы? Яркий лунный свет стал меркнуть в глазах Ясны. Погружаясь в кромешную тьму, она услышала:

— Хватит! Хватит! Я все поняла! Титум, ты убьешь и эту! Остановись! Умоляю тебя!

Глава 3

Первые солнечные лучи проникали в маленькое окно, они щекотали нос. Ясна хотела позвать Ждану, чтобы та закрыла занавеси. Она так хотела еще немного поспать, наверное, зачиталась на ночь, как это часто бывало, и легла перед самым рассветом. Но голос не слушался. Ясна попыталась прочистить горло и поняла, что ей трудно глотать. Девушка лежала на животе, но стоило пошевелить шеей и лопатками, как спину пронзила острая боль.

— Лежи-лежи, не вставай! — подлетела к ней бледнокожая Эрмина.

И вдруг воспоминания прошлой ночи хлынули горячим потоком в голову. Она не дома. И Ждана, ее служанка, никогда больше не придет на зов, потому что сама Ясна теперь ниже служанки, которая хотя бы имеет свободу. Она теперь этой привилегии лишена, потому что стала безвольной рабыней. Злость придала Ясне сил. Она до кровавых лунок от ногтей впиалась в свои же ладони, сжав кулаки, и поднялась, несмотря на то, что кожа ее вопила не делать этого.

— Мне нужно зеркало, — посмотрела она на Эрмину. Голос совсем не слушался, получался лишь хрип. Титум так сильно сжимал ее шею ночью, что она все-таки лишилась чувств. Не от боли, хотя та и была совсем непривычной для нее, а от того, что он уже почти задушил ее.

— Зеркало только в хозяйской спальне, — понурила голову ее подруга по несчастью. — Но хозяина и хозяйки нет, и сегодня их не будет весь день, так что мы можем...

Ясна не дослушала, а, получше запахнувшись в отрез ткани, в который она до сих пор была обернута, он лишь сполз с верхней части тела, неровными шагами с тяжелой головой поплелась в то место, где вчера чудом не рассталась с жизнью.

На выходе из спальни она столкнулась с Йанеттой, которая даже вскрикнула от неожиданности, словно призрак увидела. Она лишь покосилась на новенькую, но ничего не сказала.

Больше никого не встретив, Ясна добралась до нужной двери. Собравшись с духом, девушка толкнула дерево обеими ладонями. Внутри царил прохлада, в отличие от остального дома. Наверное, зодчий намеренно проектировал здание так, чтобы хозяевам было комфортно находиться в спальне в любое время, даже самым ярким днем. И немудрено, из рассказов учителей, которые к Ясне приходили, она помнила, что земли согуров потому и неплодородны, что находятся посреди мертвой пустыни. Только река, которая брала начало на территории ланойцев, питала все вокруг, однако воды в любом случае не хватало. То и дело сильный ветер заносил золотые песчинки из пустыни прямо в дом.

Ясна долгим взглядом окинула всю комнату. Ничего в ней уже не говорило о ночных событиях. Только кольца, прикованные к столбам в ногах широкой кровати, напоминали о том, для чего именно господин Титум купил себе новую рабыню. Проходя мимо кровати, Ясна вздернула подбородок, заставила себя это сделать, буквально перешагнула через желание опустить голову и вжать ее в плечи. Он может делать с ней все что ему вздумается, но ее волю этим не сломить!

Девушка подошла к зеркалу и только сейчас заметила, что за ней бледной тенью следовала Эрмина, которая сейчас спряталась в угол и жалостливо смотрела в сторону пшеничноволосой рабыни.

Ясна подошла к зеркальной глади. Ее поразило собственное выражение лица. Немного удивленное, но совершенно иное, не такое, как вчера. Она как будто стала старше на несколько лет. Под глазами залегли черные круги, а губы припухли и местами были прокушены, в трещинах запеклась кровь. Кожа выглядела болезненно-бледной.

Стараясь не обращать внимания на Эрмину, которая не таясь за ней наблюдала, Ясна медленно стянула с себя верхнюю часть одеяния. Передняя сторона была нетронута и выглядела, как обычно. Только на шее остался темно-синий, почти черный, след от руки, которая вчера не давала ей дышать. Девушка медленно, как в страшном сне, повернулась к зеркалу спи-

ной и, преодолевая дурноту от боли, посмотрела назад. У нее захватило дыхание. Спина смотрелась сплошным кровавым месивом. Это выглядело даже хуже, чем невольница чувствовала. Местами кожа оказалась рассечена, местами — просто огромные синяки, но все покрывала густая, еще не до конца засохшая корка крови.

— Он безумец, — прошептала Ясна, оглядывая свое отражение.

— Да, — шепотом подтвердила Эрмина, хотя Ясна обращалась вовсе не к ней, а скорее говорила сама себе.

Но раз уж рабыня все равно смотрела на нее, новенькая повернула к ней голову:

— Он купил меня, чтобы наказывать вместо своей жены.

Эрмина часто закивала, а в глазах ее стоял такой неприкрытый испуг, что Ясне стало противно.

— Пойдем, — взяла себя в руки тощая. — Я обработаю твои раны.

— Нет, — замотала головой Ясна и тут же пожалела об этом, потому что от движения шеи изуродованная кожа спины натягивалась.

— Ясна, это необходимо, — сделала к ней несколько шагов Эрмина. — Я видела, что такие раны могут даже убить, если их не обработать мазью.

Умирать Ясна не собиралась, а тем более теперь. Она должна во что бы то ни стало покинуть этот страшный дом как можно скорее, а для этого ей нужна здоровая кожа.

— Ладно, — согласилась она. — Пойдем.

Невольницы вышли из хозяйской спальни и притворили дверь. Коридор по сравнению с прохладными покоями был жарок, но в их тесной комнатке на четверых вообще оказалось невыносимо. Жара обволакивала все тело пуховым одеялом и не давала нормально вздохнуть.

Пока Эрмина, как могла, аккуратно сперва промывала раны, а потом обмазывала какой-то остро пахнущей травами мазью, Ясна не проронила ни звука. Она впивалась пальцами в простыню, кусала и без того истерзанные губы, в глазах темнело, но это не сломило ее дух. Сейчас она ясно поняла, что сделает для побега все что угодно. Даже подружится с Ласселом.

Несколько дней ее никто не трогал. Работать не заставляли, не требовали сделать даже малейшую мелочь. Ясна оказалась предоставлена сама себе. Хозяин и хозяйка как будто забыли о существовании новенькой, и она ни при каких условиях не желала бы напоминать о себе, поэтому по большей части лежала на своей узкой кровати. Невольницы приносили ей еду по очереди, и она была им очень благодарна за заботу. Ведь каждый шаг отдавался в еще незажившей спине болью.

Когда раны стали затягиваться, Ясна принялась постепенно разминать затекшее тело. Она то и дело вставала, прохаживалась по комнатке и снова ложилась на живот, чтобы как можно быстрее восстановиться.

Все это время в доме стояла тишина. Она даже подумала бы, что хозяев нет, но, по разговорам своих подруг по несчастью, прекрасно определяла, что господа в доме. Только никакой ругани или обвинений не слышалось.

Однажды, когда раны почти зажили, Ясна не знала, чем себя занять, потому что просто лежать целыми днями у нее уже закончилось терпение. Она принялась разбирать сундук, который стоял в ногах ее кровати. Там лежала вся та же коричневая ткань, в которую оборачивались рабыни. Видимо, сменная одежда, подумала девица, но продолжила копаться. Там же она нашла пару сандалий. Ясна повертела их в руках, но даже не знала, как их нужно правильно привязывать к ногам, а потому положила на место, сделав в уме заметку, что на ее ногу они садятся точно по размеру. Это очень кстати, потому что пока она ходила по дому и двору, ее нежные ступни не страдали, но когда она соберется уходить, ногам понадобится защита.

Больше ничего интересного в ворохе ткани она не нашла и уже принялась аккуратно складывать материю обратно, когда из ее складок выпала небольшая бумажная карточка. На ней углем была изображена... сама Ясна! Девушка на рисунке настолько походила на нее, что Ясна даже дышать на некоторое время перестала.

Так, сидящую на кровати в замешательстве, ее и нашли другие рабыни, которые пришли в комнату, чтобы лечь спать.

Ясна не заметила, как у них в каморке стемнело. И поняла это, только когда Зелья внесла горящую свечу, которая отбрасывала причудливые тени на стены.

— Кто это? — поднялась она на ноги и показала женщинам карточку.

Все три рабыни испуганно переглянулись и молча уставились на Ясну.

— О чем вы мне не рассказываете? Кто это?

— Это Арсана, — тяжело вздохнула Зелья и поставила свечу на свой сундук. — Она жила здесь с нами... до тебя.

— Почему она так на меня похожа?

Ясна задала этот вопрос вслух, хотя уже прекрасно знала ответ на этот вопрос. Титум специально искал девушек одного типажа, которые напоминали бы ему жену, которую он по какой-то причине трогать не смел или не хотел.

— Господин Титум... так выбирает, — выдавила из себя Йанетта.

— А что стало с Арсаной? — снова спросила Ясна, уже понимая, что ничего хорошего не услышит.

Рабыни долго молчали, тишину нарушало только тяжелое дыхание темнокожей женщины. Внезапно в памяти всплыли слова Авины перед тем, как Ясна отключилась той страшной ночью. Она крикнула: «И эту убьешь!»

— Он убил ее? — еле смогла произнести это Ясна.

Зелья и Йанетта не двигались, испуганно глядя на нее, только Эрмина кивнула, не отводя взгляда от подруги по несчастью.

— И как долго она здесь прожила?

— Год, — глухо отозвалась Зелья, будто кто-то ей сжал горло.

— А до Арсаны были... похожие на меня?

Зелья вздохнула и села рядом с Ясной.

— Лилллая была самая первая. Она появилась здесь раньше меня, а я в этом доме уже больше десяти лет. Она была сильной женщиной, но не выдержала одного из припадков хозяина и умерла. Через несколько месяцев после ее смерти он взял Плеену. Она влезла в петлю через три года. Потом появилась Арсана, теперь — ты.

Зелья снова тяжело вздохнула и опустила голову.

— Боги милостивые, — простонала Ясна и закрыла лицо руками. Карточка с изображением уже мертвой девушки мягко спланировала на пол, а потом проскользила по протертому ковру еще несколько локтей.

— Его припадки ярости на жену случаются все чаще, — Эрмина села у ног Ясны, глядя на ту снизу вверх. — Он никогда и пальцем не тронул госпожу Авину, только кричит на нее, но не бьет.

— А вас он когда-нибудь?..

— Меня и Йанетту — нет, — сказала Зелья. — Но Эрмина однажды столкнулась с его гневом. Это случилось, когда умерла Плеена и еще не появилась Арсана.

— Я в ту ночь еле выжила, — тихо добавила Эрмина и поежилась, как будто помнила все в мельчайших подробностях. — Я готова на все что угодно, пускай даже меня никогда не выпускал бы из грязных лап Лассел. Но... Но я не вынесла бы еще раз того, что господин Титум может делать.

Рабыня зажмурилась, сдерживая набежавшие слезы. Йанетта села рядом с той и обняла ее, утешая.

— Как часто повторяются его приступы... ревности к госпоже Авине?

Ясна спрашивала не из праздного любопытства, она хотела знать, сколько у нее еще есть времени на то, чтобы спланировать побег.

Женщины принялись качать головами.

— Это может случиться и раз в месяц, и несколько дней подряд. Зависит лишь от его настроения и того, насколько сильно он удовлетворил свою ярость, — сказала Зелья.

— А, судя по твоей спине, пока он удовлетворен, — добавила Эрмина.

— Надолго ли?... — задумалась Ясна.

Она поняла, что медлить нельзя, ей нужно как можно скорее уйти из этого дома. Сбежать от этого страшного и безумного человека.

Пока самым вероятным способом сбежать ей казалось использование Лассела. Но сможет ли она подступить к нему после того, как ударила? Как убедить его, что он ей интересен? Она знала, что охранник сопровождал Зелью на рынок за продуктами. Только ей из всех рабынь разрешалось покидать двор. Ясна должна убедить наемника, чтобы он взял ее с собой на рынок, а там уже вырвется и убежит. Лассел, хотя и выглядел внушительно, но был неповоротлив. Она узнала у подруг по несчастью все, что могла, и приступила к действию.

Она не была искушена в любви, но уже успела познать, что значит, когда кожи касаются желанные губы. Она помнила ощущение огня в теле. Помнила, как Варгроф трогал ее горячими пальцами тогда, в последнюю ночь перед его уходом. Ровно за три дня до ее похищения. События последних дней вытеснили мысли о нем, сейчас главное — выжить. И все же воспоминания оставались яркие, живые, но как будто из совсем другой жизни. Сладкие запретные прикосновения, достаточно невинные, чтобы она могла с уверенностью сказать, что в полной мере еще не испытала мужских ласк, но в то же время она уже понимала, что близость с желанным мужчиной может принести непередаваемые ощущения. И если бы она только послушала Варгрофа в ту ночь, когда он просил бежать с ним, то всего этого не случилось бы. Но она поступила так, как должна была любящая дочь: наплевала на свои чувства, закрыв их на замок, только чтобы отец не попал в долговую яму. Ясна должна была выйти замуж за ненавистного жениха. И это уже почти случилось. Но за пару дней до церемонии ее постигла участь куда как более печальная.

А сейчас ей предстояло разжечь огонь в теле Лассела. Сделать его покорным ей. Начала Ясна с малого. Она несколько дней подряд мимолетно улыбалась при виде охранника. Однажды кивнула, как-то раз махнула рукой. Сперва он глядел на нее с недоверием, но потом его глаза потеплели. Неужто забыл ее удар?

Обычно невольницы, выходя по нужде, всегда оглядывались, нет ли рядом наемника, но Ясна сейчас преследовала совсем иную цель. И вот она увидела, что Лассел появился на заднем дворе. Она теперь знала, что он тоже живет в доме, однако вход в его покои отдельный, к нему можно попасть прямо с улицы. Фактически у него было отдельное жилище, но двор оставался объединен с хозяйским.

Ясна натянула на лицо самую обворожительную улыбку, на которую только оказалась способна и, расправив плечи, пошла навстречу мужчине. Она прихватила с собой корзину, будто направляется в огород помогать Йанетте, хотя, разумеется, ее об этом никто не просил. Но откуда об этом знать этому мужлану?

— Сегодня чудесная погода, не правда ли? — начала она, не зная, как завязать разговор. В небе сияло раскаленное солнце, как и вчера, и позавчера, и много дней назад.

— Чудесная, — прищурил один глаз охранник. — Действительно.

— Должно быть, ты очень утомился охранять дом, а здесь жарко. Я несу обед Йанетте, но, думаю, она будет не в обиде, если ты попробуешь немного того освежающего напитка, который я приготовила для нее.

Лассел удивленно посмотрел на то, как Ясна достает бутылку из корзины и протягивает ему. Однако, даже если он и заподозрил подвох, принял сосуд, откупорил его и, приняв-шись, принялся пить огромными глотками. После этого он хмыкнул и отдал остатки девице. Та улыбнулась и уже будто собиралась идти дальше, а потом обернулась:

— Я прошу прощения за то, как мы завели с тобой знакомство, я тогда только попала в этот дом и очень сильно испугалась. Простишь ли ты мне ту грубость, которую я позволила себе?

— О, не беспокойся, — довольно улыбнулся наемник. — Я в порядке.

Наверное, Ясна очень сильно удивила его поведением, потому что он даже не попытался ее облапать. И это был успех!

В следующий раз они встретились вечером того же дня. Конечно, это оказалось не случайно. Ясна специально караулила Лассела в таких местах, чтобы и он ее не мог припереть к стене, и им никто не мешал общаться.

На этот раз она поднесла ему пирожок, который стащила с кухни. Лассел снова не соби-рался отказываться от подношения. Рабыня опять завела ничего не значащую беседу. Так про-должалось несколько дней подряд, во время которых по вечерам Ясна внимательно прислуши-валась, не ссорятся ли хозяева, потому что это могло бы означать еще одну страшную ночь. Единственной обязанностью Ясны стало каждое утро приносить господам завтрак в спальню, но больше зеленоглазый демон не обращал на нее ни малейшего внимания, учтиво и ласково общаясь с супругой. Если бы Ясна собственными ушами не слышала, с какой ненавистью он обзывал ее последними словами, ни за что не поверила бы, что этот человек — не только тиран, но и убийца. В доме ее отца не было рабов, они держали только слуг. Однако отец ни разу не позволял себе даже повысить голос на кого-то из наемных рабочих.

Но однажды план по плавному соблазнению Лассела чуть не рухнул.

На это раз Ясна не уследила и вышла во двор в тот момент, когда там внезапно появился Лассел. Они уже много раз болтали ни о чем, поэтому она не удивилась, увидев на его лице приветливую улыбку. Ясна уже ни раз думала о том, что этот грубый наемник просто никогда в жизни не видел хорошего к себе отношения, вот и хватался за ее внимание. Он больше не пытался к ней приставать и вел себя все эти дни на удивление хорошо. Однако сегодня в его взгляде присутствовало что-то необычное. Нетерпение — наверное, именно так можно было назвать его состояние.

— Как дела? — подошел он непозволительно близко. Сердце Ясны забилося в два раза быстрее, она кое-как выдавила из себя улыбку.

— Хорошо, все замечательно.

Кажется, ему этого оказалось достаточно. О боги, неужели он не понимал, что в ее ситу-ации не могло быть такого ответа? Но мужчине было все равно. Он надвигался на девицу с затаенной улыбкой и темнотой в глазах. Ясна уже знала этот взгляд, и он не предвещал ничего хорошего.

Она отступала до тех пор, пока не уперлась в стену. Охранник довольно улыбнулся.

— Попалась, птичка.

Он сказал это беззлобно, но твердо. Ясна поняла, что если она сейчас что-то не придумает, он ее не отпустит.

— Неужели столь сильный воин, — она подавила в себе дрожь и провела кончиками пальцев по его обнаженной руке, на которой под небольшим слоем жира выступали мышцы. Его плечо было толще ее ноги. — Должен брать женщину украдкой у стены?

Кажется, ее слова попали в точку. Ведь его рука, которая уже поползла по ткани, чтобы обнажить бедра рабыни, замерла.

Пользуясь короткой передышкой, Ясна ласково улыбнулась и сама приблизилась к нему. Ей пришлось встать на носочки, чтобы дотянуться до его уха. От него остро пахло потом, но Ясна была не вправе останавливаться, только не сейчас! Если она даст слабину, все старания насмарку. Девушка зашептала, чуть касаясь его кожи губами:

— Неужели тебе не хочется испытать, каково это — когда тебя желают?

Он на несколько вдохов замер, а потом хрипло спросил:

— А ты меня желаешь, птичка?

— Да, — выдавила она из себя эту ложь, от которой все внутри протестовало. — Но не здесь, не так, не возле этой стены. Я еще невинна, но ты знаешь, что хозяина это не интересует. Я хочу подарить себя хорошему человеку, пока это не сделал плохой.

С каждым словом вранье лилось все легче, только сначала было тяжело, но когда Ясна вошла в роль, она уже не могла остановиться.

— И ты считаешь меня хорошим человеком, — все тем же хриплым голосом, боясь даже двинуться, промолвил наемник.

— Да, — жарко прошептала Ясна, их тела соприкасались, но, странное дело, он не позволял себе никаких вольностей. — Ты ведь охраняешь нас от злых людей.

Она не стала добавлять, что такие же злые люди вломились к ней домой и похитили ее, убив Ямиса, убив ее отца, забрав ее от матери. И уж тем более она не сказала, что всем сердцем желает того, чтобы такие же злые люди вломились в дом к Титуму, чтобы его самого постигла та же участь, что и ее отца и брата. Но она прекрасно понимала, что согуры и робофы друг с другом не враждуют, а ланойцы никогда первые не нападают, так что ее желания так и останутся лишь мечтами. Но сбежать отсюда она в силах. Хотя бы попытаться, а там будь что будет! Даже если Титум, как и грозился, засечет ее насмерть, это будет ничуть не хуже, чем ее теперешнее существование. Жалкое, униженное, которое, к тому же, в любой момент и без того может прекратиться по воле безумного человека, который отвалил за нее много золота.

— И что же ты предлагаешь? — заинтересовался Лассел.

— Я приду к тебе ночью, когда хозяина не будет дома. Так ведь бывает?

Мужчина ничего не сказал, только судорожно кивнул.

— Через три дня он уезжает в другой город, а я останусь охранять дом, — с придыханием объяснил он, и его руки легли ей на талию. Пока они не двигались, Ясна готова была их терпеть.

— Значит, через три дня, — Ясна чуть отстранилась, чтобы он видел ее сияющее улыбкой лицо. — Через три дня, милый Лассел, я стану твоей.

Она легко высвободилась из его гигантских рук и поплыла в дом неспешно качая бедрами. Она слышала, как он шумно дышал, а сама еле сдерживала сердце, которое хотело вырваться наружу. Кажется, первый этап плана она осуществила! Теперь у нее есть три дня на то, чтобы приступить ко второму.

Глава 4

На следующий день она старалась не попадаться воину на глаза, чтобы он еще больше желал ее. Лишь украдкой посылала ему воздушные поцелуи и сама удивлялась, как у нее получается так хорошо играть. Но разве ей кто-то оставил выбор?

Ясна уже знала, что Зелья ходит на рынок приблизительно раз в седмицу, но еще было не время, а девица отчаянно нуждалась в том, чтобы поторопить это событие, но не знала как. Выход подсказала ей сама чернокожая рабыня, когда воскликнула:

— Не забыть бы купить муки, как пойду на базар, закончилась почти, на один кругляш хлеба и осталось.

План тут же созрел в голове Ясны. Она почти мгновенно подскочила к Зелье и предложила ей помощь в готовке. Та с радостью согласилась. И, пока она размышляла о том, какую работу дать новой невольнице, Ясна коршуном кинулась на кадку с мукой.

— Давай я тесто замешу!

Не успела Зелья дать согласие, как кадка выпала из неловких рук, вся мука оказалась на каменном полу. Ясна испуганными глазами смотрела на Зелью.

— О, нет! Какая же я растяпа! — воскликнула Ясна, села на корточки и принялась пригоршнями убирать порошок.

— Оставь это, девочка, все равно уже все испорчено, — недовольно махнула чернокожая рукой. — Бери веник и совок, смети все, пока госпожа не увидела.

— Но что же делать? Как же утренний хлеб?

Ясна знала, что Зелья всегда заранее делает тесто, чтобы оно успело побродить, а на рассвете кладет его в печку.

— Хозяин будет недоволен, если мы отойдем от обычных блюд, — почесала затылок с жесткими курчавыми волосами Зелья. — Придется идти на рынок сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.